

ИЗВРАЩЕННОСТЬ: ПРОБЛЕМА ЛИЧНОСТИ И ОБЩЕСТВА

А.УСКОВ*

Извращение и извращенность

Половое извращение, или перверсия, – это существенное отклонение от общепринятых половых отношений, *необходимое* извращенному человеку для достижения полового удовлетворения. Более развернутое психоаналитическое определение извращения звучит так:

«Отклонение от нормального сексуального акта, который определяется как коитус с другим человеком противоположного пола, направленный на достижение оргазма посредством генитального проникновения.

Перверсия (извращение) присутствует там, где оргазм достигается с другими сексуальными объектами (гомосексуальность, педофилия, зоофилия и т.д.) или через другие области тела (анальный коитус и т.д.); там, где оргазм абсолютно подчинен определенным внешним условиям, которые необходимы сами по себе для получения сексуального удовольствия (фетишизм, трансвестизм, вуайеризм, эксгибиционизм, садомазохизм).

В более широком смысле "перверсия" (извращение) обозначает все психосексуальное поведение, сопровождающее такие типичные способы получения сексуального удовольствия» (*Laplanche, Pontalis, 1973; цит. по: Кернберг, 1998, с.297-298*)¹.

Будучи в основном согласен с определением Лапланша и Понталиса, я, тем не менее, предпочитаю более короткое определение, данное мною выше. Хотя оно выглядит менее строгим и «научным», в нем есть два важных, на мой взгляд, элемента: указание на *необходимость* извращения для получения удовлетворения (на что указывают *Кернберг /1996, с.298/*, а также Лапланш и Понталис) и апелляция к клинической интуиции психотерапевта при выявлении извращения как *существенного отклонения от общепринятых половых отношений*.

* *Усков Александр Феликсович* – член Московского психоаналитического общества, ученый секретарь МПА, практикующий психотерапевт.

¹ Я цитирую Лапланша и Понталиса по Кернбергу, потому что русский перевод их «Словаря по психоанализу» неточен до курьезов. Например, первый абзац определения извращения в этом переводе звучит так: «Отклонение от нормального сексуального акта, нацеленного на достижение оргазма в контакте с лицом (разрядка моя – А.У.) противоположного пола...» (*Лапланш, Понталис, 1996, с.55*).

По аналогии с упомянутым выше, другое важное психоаналитическое понятие – извращенность, или перверсность, можно определить как существенное отклонение от общепринятых отношений (объектных отношений) между людьми, необходимое извращенному человеку для их поддержания и получения от них удовлетворения. Извращенность – это такое искажение отношений, при котором ненависть (смерть) начинает доминировать над любовью (жизнью). Кернберг дает следующее определение извращенности:

«Перверсность [извращенность], как я ее воспринимаю, это качество объектных отношений, отражающее сознательное или бессознательное рекрутирование любви, зависимости или сексуальности в обычном смысле этих слов на службу агрессии. Она отражает попытку продемонстрировать садистский контроль и всемогущество патологически грандиозного "Я" при злокачественном нарциссизме и является выражением "безумной" (Rosenfeld, 1971, 1975), грандиозной структуры "Я", вызывающей наиболее тяжелые негативные терапевтические реакции. Такие пациенты безжалостно вытягивают все хорошее из терапевта, чтобы опустошить и разрушить его; они делают то же самое во всех других близких отношениях» (Кернберг, 1998, с.308).

Это весьма содержательное определение Кернберга является, на мой взгляд, несколько зауженным, ограничивая извращенность случаями злокачественного нарциссизма и оставляя в стороне, если можно так сказать, «извращенность обыденной жизни», распространенную в существенно более широких масштабах. Поэтому я предпочитаю свое определение извращенности, дающее, как мне кажется, больше пространства для клинической интуиции психотерапевта, со всеми плюсами и минусами такой широты. В дальнейшем, при изложении концепции извращенности (перверсности) я буду опираться на работы Масуд-Хана, Мак Дугалл, Шассеге-Смирбель, Кернберга и Огдена (Masud Khan, 1969; McDougall, 1972; Chasseguet-Smirgel, 1974, 1983; Кернберг, 1998; Ogden, 1997).

Извращенные отношения – извращенный мир

По аналогии с половыми извращениями, извращенные отношения между людьми (объектные отношения) становятся садомазохистскими, копрофилическими, эксгибиционистскими, вуайеристскими, фетишистскими и т.п. Иначе говоря, в извращенных отношениях начинают преобладать мучительство, издевательство, с одной стороны, и покорность, безропотность, жертвенность, с другой; страсть к грязи, наслаждение ею и желание испачкать, измарать, испортить все чистое и хорошее; выставление напоказ всего личного и тайного и сладострастное подглядывание за личным и тайным, всепроникающий контроль за личной жизнью человека. Этот ряд можно пополнить сверхценным отношением к

мертвым понятиям и вещам, ради чего в жертву приносятся живые люди, или, в более мягкой форме, грубо игнорируются интересы живых людей.

Извращенным (перверсным) отношениям присущи искусственность, мертвенность и одновременно – устойчивость и неподвижность. Это настоящее Кощеево царство, где время и жизнь остановились, а все люди покорно и однообразно служат хозяину-людоеду.

Извращенный мир – мир коммунизма и тоталитаризма: мир государств, питающихся мясом своих подданных, мир несправедливых захватнических войн, постоянной нехватки всего жизненно необходимого, омертвляющей бюрократии, всепроникающей коррупции и мафии. Это мир смерти, насилия, беззакония и несправедливости. Это мир, в котором Россия прожила больше семидесяти лет (не чуждый ей и прежде), откуда она выбирается сейчас с кровью, слезами и проклятиями. Выберется ли?

Извращенность и убийство отца

Извращенность всегда связана с убийством отца (отрицанием отца), отказом от всех связанных с ним законов (порядка и справедливости), отрицанием любящего, рождающего сношения между матерью и отцом². Убивающий отца хочет встать на его место, безраздельно завладеть матерью (землей, властью, собственностью), объявить себя вечным, всемогущим и безгрешным. Фрейд писал, что со временем дети, убившие отца, начинают жалеть о нем, сообщая вспоминают его и пытаются вместе установить какой-то закон и порядок (Фрейд, 1991). Но убийство от этого не перестает быть убийством, и ничто не предохраняет нас от повторения кровавого кошмара.

Убийство отца многократно происходило в российской истории. Укажу лишь некоторые, наиболее важные, на мой взгляд, вехи. Во время монголо-татарского нашествия погибли десятки, а может быть, сотни тысяч отцов – не худших отцов!, а их дети должны были отказаться от них, подчинившись новым отцам – татарам или своим же русским коллаборационистам. Придется неизбежно упомянуть и Ивана Грозного, учинившего и идеологически обосновавшего массовый террор, направленный против отцов нации – боярства и высшего духовенства. Следующим массовым отцеубийством стала церковная реформа Никона – отказ от религиозных отцовских традиций, – приведшая к расколу и жесткому его подавлению. Потом реформы Петра, который пытался догнать и скопировать Европу путем жестокого насилия над Россией: грубого введения новых порядков, кровопролитных войн, массовых казней, истощения народа непомерными налогами и, наконец, окончательного закрепощения крестьян! (Со всем рвением Петр продолжил и преследование старообрядцев!)

² Я оставляю за скобками работы британских авторов, касающиеся отношений ребенка и матери, и сосредоточиваюсь на работах Фрейда и современных авторов французской школы, прежде всего Жанин Шассеге-Смиртель, трактующих извращение и извращенность как результат отсутствия или дефектности отца (Chasseguet-Smirgel, 1974, 1983).

Извращенность, отцеубийство и революция

Следующим проявлением «смутного времени» извращенности и отцеубийства стала русская революция. С психоаналитической точки зрения, революция всегда выступает проявлением извращенности – бунтом незрелой молодежи против отцовских законов и правил, бунтом, который разжигается ненавистью и завистью к отцам. Разрушить, убить, отобрать, уравнивать всегда проще и быстрее, чем создать, породить, вырастить, сберечь. Генитальная сложность и дифференцированность «старого» мира, основанная на хрупком равновесии любви и ненависти, добра и зла, безжалостно разрушается и смешивается в анальном хаосе простого «нового» мира. Под лозунгами свободы, добра и справедливости все вокруг пропитывается злом, ненавистью и насилием, а генитальная родительская пара разрушается во имя «коллектива», тотального контроля над личностью и фетишизации революционной власти и догм.

Отцеубийство проявляется как цареубийство, как прямое уничтожение и свержение всех авторитетов, как неистовая борьба с религией. Подростковый бунт асоциального психопата становится кошмаром, охватывающим всю страну³. Личности с извращенной психикой и глубокими внутренними нарушениями, примерами которых изобилует новая русская история, становятся вождями и политическими лидерами, а Россия на десятилетия ввергается в мир концлагерей и преступной банды.

Русская революция – русских детей против русских отцов – соблазном революционного отцеубийства притянула к себе «инородцев»: евреев, поляков, латышей, венгров и т.п. И это понятно: убивать чужого отца, на которого переносится ненависть к собственному, проще, чем своего. Аналогично этому, попытка списать революцию на «инородцев» – такое же расщепление: комфортный способ перенести ненависть к своему отцу на чужого.

Общество, «убившее отца», как показывает опыт многих революций, неизбежно проходит через полосу крайней жестокости и подозрительности. Новые отцы не чувствуют своей легитимности, их переполняют тревога, страх, в основе которых лежит подспудное чувство своей преступности. Чтобы заглушить эти чувства и предотвратить реальную или мнимую угрозу своему господству, они неизбежно приходят к террору и паранойе. Очень скоро жертвами революции становятся многие из ее собственных отцов. Перефразируя известное выражение, можно сказать: революция пожирает своих отцов. Победитель в этой «отцовской» борьбе, новый нелегитимный и, как правило, более

³ Молодые люди, настроенные асоциально или антисоциально, не занятые делом, не имеющие семьи и детей, не имеющие или ненавидящие отцов, скупаемые безграничным честолюбием, мечтами о всемогуществе и совершенстве, – являются главными героями романов Достоевского. Это портреты революционеров: активных, пассивных, сочувствующих, соучастующих в отцеубийстве, хотя бы «в сердце своем». Эту неприглядную правду о революционерах, их происхождении и внутреннем мире, советская власть пыталась скрыть, как преступник скрывает следы преступления.

жестокий отец, обожествляется с помощью механизмов расщепления и примитивной идеализации: все плохое – зверское, мерзкое, грязное – в гиперболизированной форме приписывается врагам; все лучшее – гиперболизированные идеальные качества – даруются ему: кровавому тирану – Великому отцу и учителю.

Поиск отцов современной Россией

Антикоммунистическая революция в России знаменовала отказ от ложных отцов и стремление вернуться в цивилизованное общество с надеждой найти отцов настоящих. Старый псевдоотец, или, если угодно, заменяющая его примитивная, коллективная, карающая мать – КПСС, был свергнут. Были провозглашены новые законы и установлены иные правила жизни. Эти изменения подготовлены внутренней проработкой: развитием, созреванием и «генитализацией» в недавнем прошлом советского общества, которое теперь, в новой России, вступило во «взрослую» жизнь частной экономики и конкуренции.

Однако, общенациональная проработка коммунистического периода отечественной истории еще далеко не закончена. У власти – во многом «бывшие» коммунисты, сформировавшиеся как личности в недрах КПСС и КГБ. Хотя все они в той или иной степени *изменились внутренне*, никто из них даже и не пытается претендовать на то, чтобы стать в глазах народа полностью легитимным, истинным отцом. Поиск настоящего отца – возникновение различных отцовских фигур в политике, бизнесе, культуре – занимательный сюжет в современной России.

К сожалению, многие ключевые вопросы антикоммунистической революции не решены: разграбленная после революции собственность не возвращена наследникам; палачи и доносчики, кроме наиболее крупных, не названы поименно; так и не стало общенародным делом покаяние (как, например, в Германии). Ни один из этих вопросов не вырос до предмета общенациональной дискуссии.

Одним из увлекательных сюжетов в национальной драме поиска отца является возрождение российского психоанализа. Возродившись, как частная инициатива «детей», «внуков» и «правнуков», он находится в процессе поиска нового настоящего отца взамен обезглавленного, кастрированного, изгнанного из пределов России после 1917 года. Возрождение психоанализа в России сопровождается, с одной стороны, появлением многочисленных самозванных лжеотцов, а с другой – попытками отечественных специалистов «усыновиться» («удочериться») за границей, обретая там подлинных психоаналитических отцов и матерей.

Извращенность и правда

Извращенность не просто боится правды. Она ее извращает. Так, например, гомосексуальная любовь в наши дни все чаще объявляется возвышенной, чище, «продвинутой», сравнительно с гетеросексуальной, как в недавние времена коммунизм считался прогрессивней капитализма,

а государственные интересы – выше личных, частных, семейных. Однако, есть русская пословица, которую любит приводить Солженицын: «Одно слово правды весь мир перетянет». Правда разрушила извращенную советскую систему. Правды о том, как у нас «все делается через ж...» или как «нас ..., а мы крепчаем», боятся и государственные чиновники-извращенцы, и семейные тираны, уродующие своих близких. К правде стремятся, правды боятся и всячески ее извращают и искажают приходящие к нам на психоанализ и психотерапию пациенты.

Правда, которой больше всего боятся и которую более всего извращают, – правда об отце: об убитом, отвергнутом, оболганном отце, его законе и порядке, мире обычных, общепринятых человеческих отношений. Отец может исчезнуть, оказаться «врагом народа», ненастоящим отцом, предателем. Настоящим же объявляется любой новый генсек или президент, «великий отец и учитель», с которым так легко идентифицироваться в фантазиях всемогущества и совершенства.

Отцы и матери

Эдип убивает своего отца сам, случайно, по воле Рока. По мысли Фрейда, высказанной в «Тотеме и табу», отца убивают объединившиеся сыновья (Фрейд, 1991). Однако в мире извращения и извращенности сыновья или дочери убивают отца с помощью матерей или даже помогают матерям в мужеубийстве.

Извращенный мир – это мир, в котором между полами царит война, а не любовь. Это мир, где возможно либо подчинение женщины мужчиной и господство над ней (так называемое «традиционное», «патриархальное» общество), либо победа женщины и изгнание из семьи или удаление на ее периферию слабого и никчемного, кастрированного мужчины. В этом случае дети становятся собственностью матери. Мать дает понять сыну, что ей не нужен мужчина, что сын своей инфантильной сексуальностью и своим детским пенисом может удовлетворить ее. И тогда ему не надо взрослеть и становиться мужчиной.

Одно из «достижений» советской власти – разрушение семьи. Это – регрессивное по своей сути, анальное разрушение генитальности и парных отношений между мужчиной и женщиной в пользу аморфной «подростковой» группы – «коллектива», который вмешивается в эти отношения, контролирует их, «освобождая» женщину и мужчину от близости, тайны связывающего их союза и взаимных обязательств. Другой частью подобного разрушения является ослабление, унижение, кастрация мужчины как «главы семьи», добытчика и защитника. Активный, сильный и независимый мужчина начинает рассматриваться в качестве соперника «Великого отца и учителя», как, впрочем, и любого начальника, тяготеющего к авторитаризму, патернализму и «праву первой ночи» над телами и душами своих подданных. Вместе с тем, матери приписывается все большее величие. Она – важнее, нужнее, терпеливее и безжалостнее

мужчины. Мать все зовет и зовет куда-то, все пожирает и пожирает своих детей. Одновременно она становится все более бесполой, асексуальной – пашет поля вместо лошади, укладывает рельсы, летает в космос. Складывается «типичный образ» русской семьи: суровая, асексуальная мать-лошадь, которая ни в ком и ни в чем не нуждается, кроме работы и детей, и слабый, безвольный отец-алкоголик, который, когда не пьет, воюет на очередной войне. Любовные отношения между мужчиной и женщиной, то, на чем держится мир, глубоко деградируют, и с ними деградирует самый мир, теряя свет и тепло жизни, доброту, изобилие, становясь кафкиански-, коммунистически-, нацистски-, мафиозно-мрачным и извращенным.

Россия – страна фасадов

Маркиз де Кюстин, французский путешественник, посетивший Россию в 1839 году, утверждал, что в России нет свободы, общества, собственности, религии, науки, справедливости, нравственности и т.п. Есть только ярлыки или фасады, за которыми не обнаруживается никакого реального внутреннего содержания (*Де Кюстин, 1997*). И правда. В 1917-м, видимо, потому и рухнуло все так легко, что за фасадом не было самого дома. Не проросло, не укоренилось, не выстроилось! Не мудрено! Почему-то забывают, что еще 140 лет назад половину населения России составляли крепостные крестьяне, а еще процентов 40 – государственные (что было бы с Америкой, если бы половину ее населения составляли потомки негров-рабов, а еще процентов 40 – мексиканские крестьяне-иммигранты?). Возможно, это и есть причина того глубокого раскола, столь характерного для России, который существует между белой и черной костью, между двумя одновременно бытующими культурами, двумя цивилизациями, и который много десятилетий замалчивался и не признавался. Свобода, общество, собственность, религия, наука, справедливость, нравственность и поныне продолжают оставаться фасадом, став еще более показушными, чем раньше.

Семья была одним из таких фасадов. Разрушив настоящие семьи, составляющие достоинство России, – с их экономической независимостью, традициями, любовью, коммунизм обнажил печальную реальность. Для большинства населения семья была просто прибежищем нищих, бесправных и несчастных мужчин и женщин, от сожительства которых зачем-то рождались дети.

В психоанализе с понятием фасада можно сопоставить понятие «ложного Я». Оно возникает, когда младенец или маленький ребенок, преждевременно брошенный без любви и тепла, должен преодолевать чрезмерные для его детского Я трудности, чтобы соответствовать извращенным требованиям окружающей среды. Ложное Я подавляет истинное Я, делает человека безжизненным, черствым, не способным к близким отношениям, любви и творчеству, лишает его индивидуальности.

Думаю, нам, русским, еще предстоит открыть свое истинное Я, построить вокруг себя и внутри себя подлинные – свободу, семью, нравственность.

Психоанализ извращенности

По мнению Томаса Огдена, главная задача психоанализа – помочь людям стать более живыми (Ogden, 1997). Безжизненность, мертвенность – основная черта извращенности. Извращенность возникает там, где реально или метафорически убивают отца, где нет оживляющих и рождающих любовных отношений между матерью и отцом. Где на фасадах семьи строятся фасады ложного Я, которое, по-бандитски нагло и агрессивно, пытается наполнить мир ложью и насилием.

Психоанализ извращенности – трудная задача. Трудная не только потому, что аналитик должен вскрыть и показать пациенту эту извращенность, которую тот всячески охраняет и поддерживает в себе, как СССР поддерживал ее всей своей ракетно-ядерной и гебистски-милицейской мощью. Трудная, прежде всего, потому, что пациент и аналитик неизбежно вступают в такие же извращенные отношения в процессе переноса-противопереноса. Понять и проанализировать извращенный перенос-противоперенос, вступить в извращенные отношения, но не извратиться окончательно, перестроить «фасады» пациента – задача, по своим сложности и масштабу вполне сопоставимая с задачей преобразования России в нормальное, не извращенное государство.

История жизни извращенных пациентов

Значительная часть пациентов с извращенностью личности и межличностных отношений – выходцы из неполных семей. Отец в какой-то момент исчезает: уходит сам, изгоняется женой, умирает. Жена якобы во имя благополучия ребенка после этого не выходит замуж. У нее, зачастую, больше не возникает (или никогда не было) длительных близких отношений с мужчиной. Основным партнером для матери становится ребенок (он может быть мальчиком или девочкой – форма отношений при этом меняется, но извращенная суть остается неизменной). Мать ведет себя так, как будто ребенок – это все, что ей нужно, ей не нужен мужчина – любовник и друг, ей даже подруга не нужна. Мать эксгибиционистски открывается перед ребенком как перед равным, навязчиво вторгается в его внутренний мир, препятствует его взрослению и приобретению самостоятельности (в целом или только в области эмоциональной саморегуляции и близких межличностных отношений). Часто отношения становятся взаимным или односторонним мучительством и мучением. Как «награду» ребенок приобретает чувство своей ценности, значимости, всемогущества и совершенства. Ему не надо взрослеть и выходить во внешний мир, преодолевая неизбежные трудности и разочарования.

Второй вариант – полные несчастливые семьи, где родители

отчуждены друг от друга, а их отношения безжизненны, или где родители постоянно враждуют между собой. Ребенок либо наследует подобную отчужденность и безжизненность, либо оказывается втянутым в войну. На необъятных полях этой войны тысячи детей выступают в роли «спасителя», «примирителя», как стабилизирующее средство, помогающее «сохранить семью», либо «кооптируются» одной, а то и обеими сторонами в союзники, которого используют в борьбе друг против друга.

И в том и в другом случае происходит патологическое развитие Эдипова комплекса. Вместо сублимации своей сексуальности и поиска объекта вне семьи, ребенок начинает верить, что он самый важный для матери (отца) (часто так оно и есть), равный ей (ему), что никакой взрослый мужчина (взрослая женщина) не может его заменить. Если же мать (отец) затем отвергает притязания ребенка на исключительную близость, то это воспринимается ребенком как неоправданная обида и жестокость. Одновременно с этим ребенок усваивает, что одиночество или отчужденная исключительность – лучше отношений и близости. Он впитывает в себя извращенные представления об отношениях между мужчиной и женщиной как основанных на ненависти, зависти, борьбе, циничной эксплуатации, выгоде, расчете.

Когда такой ребенок вырастает, он, во многих случаях, остается по-прежнему глубоко привязанным к матери (отцу) в ущерб отношениям со своими потенциальными или реальными партнерами, хотя эта привязанность может выражаться в негативной форме – в форме ругани, скандалов и эксплуатации родителей. Даже если он не обнаруживает привязанности к родителям, его близкие, супружеские отношения существенно страдают: им ощутимо не хватает близости, подлинности, любви – *жизни*.

Извращенный перенос-противоперенос

Основные особенности извращенного переноса-противопереноса: безжизненность, агрессивность и (прошу прощения за тавтологию, но точнее не скажешь) – извращенность.

Безжизненность обнаруживает себя в скуке, плохом самочувствии, усталости, сонливости у терапевта, отсутствии ощущения эмоционального контакта, ощущении, что пациент имитирует терапию.

Агрессивность выражается в том, что пациент недоволен, постоянно пытается напасть на терапевта, обвиняя его в непонимании, невнимании, сознательном причинении боли и отрицая, что может получить от него что-либо хорошее. Он постоянно обвиняет терапевта в агрессивности, требует анализировать его патологические, как ему представляется, поступки и чувства, пытается навязать свои правила и представления об анализе. Пациент не устает спорить с терапевтом, никогда ни в чем не может согласиться, угрожает агрессией третьих сторон: коллег терапевта, которые будут негативно оценивать то, как он работает с данным

пациентом, начальников терапевта или других официальных лиц, которые могут «наказать» его за плохую работу. У терапевта такие нападки и «неблагодарность» пациента вызывают либо обиду и беспомощность, либо ответную агрессию. Эти переносы-противопереносы обычно с трудом поддаются анализу в моменты своего яркого проявления и часто вызывают у терапевта потребность в супервизии или консультации.

Отношения между терапевтом и пациентом – безжизненные и/или агрессивные – приобретают также отчетливо извращенный характер. Извращенность в данном случае – средство борьбы с безжизненностью и попытка получить хотя бы какое-то либидинальное удовлетворение «в обход» или «в щелку» агрессии.

Наиболее характерный пример – садомазохистские отношения. Терапевт и пациент поочередно меняются ролями мучителя и жертвы, чтобы не потерять друг друга и сохранить то, что называется терапевтическим альянсом. Возникает замкнутый круг агрессии, из которого невозможно вырваться.

Другой пример – эксгибиционизм и вуайеризм. «Мания вопросов» со стороны терапевта, «секреты», которые пациент обнаруживает, но не раскрывает аналитику; необоснованное раскрытие терапевтом своего противопереноса; посвящение пациентом какого-либо третьего лица в подробности анализа и своих отношений с терапевтом; нарушение конфиденциальности терапевтом; тайное (и явное) подглядывание пациента за терапевтом и терапевта за пациентом.

Фетишизм проявляется в виде сверхценного отношения одной или обеих сторон к отдельным элементам или правилам терапии. Пациент может рассказывать на сеансах только детские воспоминания или только сновидения, пристально вглядываться в выражение лица терапевта или пристально вслушиваться в интонации его голоса, игнорируя все остальное. Терапевт может быть особо озабочен «нейтральностью», которую он понимает как пассивность, отсутствие эмоций и моральную индифферентность, или, напротив, – «теплотой», «поддержкой» и т.п.

При крайних проявлениях извращенности терапия способна полностью деградировать до степени анального хаоса: пациент и терапевт могут вступить в дружеские, любовные, сексуальные и т.п. отношения, имитируя при этом «продолжение» терапии.

Извращенное мышление

Важная характеристика извращенных пациентов – особое мышление, к отличительным чертам которого относятся минус-К и анальность. Минус-К (понятие, предложенное Бионом /*Bion*, 1962/) означает в данном случае извращенность всех причинно-следственных связей и мыслительных операций, особенно при понимании человеческих желаний, чувств, отношений, проблем. Она направлена на затушевывание и искажение этих желаний, чувств, отношений и проблем. В результате

подобного «минус-мышления» возникает «минус-знание». Черное объявляется белым, хорошее – плохим, ненависть – любовью, диктатура – демократией, нищета – изобилием. «Минус-мышление» способствует возникновению «фальшивой» личности и «фальшивых» отношений и обслуживает их функционирование. Возникает своеобразная «минус-психология» извращенности (в той или иной мере она пропитывает все общество, но особенно заметна в его публичной, эксгибиционистской части – политике, моде, шоу-бизнесе и т.п.).

Анальность мышления состоит в его склонности к пачканию, порче и обесцениванию того, с чем оно имеет дело. Здесь извращенное мышление обладает целым спектром средств: от грубого и очевидного очернительства, нападок и цинизма до тонких и незаметных, но все пропитывающих иронии и скепсиса. Пациенты пачкают и портят все, что у них есть, – свою жизнь, работу, отношения, близких людей, достижения и т.п. Они могут с самого начала явно или скрыто обесценивать терапию и терапевта и не принимать или портить все, что он им пытается дать. Иногда, на первом этапе лечения, они могут безудержно идеализировать терапевта, обесценивая при этом других людей или самих себя. Но, рано или поздно, эта идеализация сменяется обесцениванием.

Излечима ли извращенность?

Извращенность отношений (как и половая извращенность) в той или иной степени свойственна каждому человеку. Однако при здоровом, естественном развитии извращенная часть личности включена в здоровую, зрелую личность, а извращенные отношения встраиваются в зрелые человеческие отношения, основанные на любви, близости и благодарности. Поэтому, думая об излечимости, необходимо оценивать, насколько развиты здоровая часть личности и здоровые отношения. В процессе лечения пациенту предстоит отказаться от извращенных отношений, фальшивого Я и минус-мышления, и если у него отсутствуют другие отношения, нет иного источника удовлетворения, кроме извращенного, то лечение рано или поздно столкнется с сильным сопротивлением. Как правило, оно возникает либо когда пациент сталкивается с необходимостью что-то менять в терапии (отказываться от безжизненной имитации анализа или анализировать извращенный перенос-противоперенос), либо – еще в большей степени – что-то менять в жизни. Подобное сопротивление чрезвычайно трудно преодолеть еще и потому, что пациенты в ходе терапии уже успевают получить облегчение, частично разрешив некоторые психотические, невротические и психосоматические проблемы. Продолжение терапии или анализа становится для них слишком тягостным.

Обычно извращенные пациенты не могут закончить терапию спокойно и с благодарностью. Окончание или прерывание терапии происходит со скандалом или конфликтом. Учащаются пропуски сеансов

и нападки на терапевта. Аналитические средства уже не действуют. Пациент уходит разочарованный, разгневанный, с чувством, что с ним обошлись несправедливо.

Однако, на мой взгляд, это еще хороший вариант. Такой конец означает, что анализ не был имитацией, фальшью, соприкоснулся с настоящими проблемами пациента. Гораздо хуже, если в терапии проблемы подобного уровня так и не возникают. Это значит, что терапевт либо профессионально непригоден, либо, будучи сам извращенной или фальшивой личностью, он так и не проанализировал проблемы своей извращенности и фальшивости и не попробовал разрешить их со своим терапевтом.

Критериями качества анализа не являются его длительность, количество часов, интенсивность, регалии аналитика, тем более такие перфекционистские, нарциссические понятия, как «полнота» или «завершенность». Главный критерий качества анализа – его живая аналитическая суть – «плодотворность» (Ogden, 1997). Плодотворный – более живой, интересный, страстный, трудный анализ – это лучшее лекарство от извращенности и это главное, что мы можем дать нашим пациентам.

ЛИТЕРАТУРА

- Кернберг О.* Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. – М. Независимая фирма «Класс», 1998.
- Де Кюстин А.* Николаевская Россия в 1839 году. – М, «Терра». 1997.
- Лаплани Ж., Понталис Ж.-Б.* Словарь по психоанализу. – М.; «Высшая школа», 1996.
- Фрейд З.* Тотем и табу. См., напр., Фрейд З. Я и Оно. Труды разных лет. – Т.1. – Тбилиси, Мерани, 1991.
- Bion W. R. (1962).* Learning from Experience. L., Heinemann.
- Chasseguet-Smirgel J. (1974).* Perversion. Idealisation and Sublimation., J. Psycho-Anal., 55: 349-357.
- Chasseguet-Smirgel J. (1983).* Perversion and the Universal Law. J. Psycho-Anal., 10: 293.
- Masud R., Khan M. (1969).* Role of Collated Internal Object in Perversion-Formations., J. Psycho-Anal., 50: 555.
- McDougall J. (1972).* Primal Scene and Sexual Perversion, J. Psycho-Anal., 53: 371.
- Ogden T. (1997).* Reverie and Interpretation: Sensing Something Human.. N.J. – L.: Jacson Aronson.